
Путь
в
никуда
Август Чен

Август Чен
Путь в никуда

https://litres.ru/74864067
SelfPub; 2026

Аннотация

«Здесь нельзя оглядываться. Нельзя брать воду из колодца после заката. Нельзя называть своё имя. Семь правил — и седьмое держит смерть на расстоянии».

Марк приехал на лето к тёте — в посёлок Вязовая Гать, где трава шевелится без ветра, дома стоят пустые и серые, а единственный ухоженный двор принадлежит старухе Зинаиде Прокопьевне. Она не приходит. Она стоит. И если оглянуться второй раз — она уже не будет стоять.

Когда старуха называет Марка по имени, в силу вступает восьмое правило — то, о котором боялись говорить: «Если понадобится восьмое, значит, всё уже кончено».

Чтобы пережить лето, Марку нужно выучить то, чему старуха училась сорок лет. Учить его будет дед — тот, чья фотография лежит в жестяной коробке и чей голос звучит из колодца. Но на один вопрос в посёлке не отвечает никто: почему из всех людей она выбрала именно его?

Мистическая повесть о деревне, где всё случается медленно, как вода точит камень, — и о парне, которому нельзя оглядываться.

Содержание

Глава 1. Не оглядывайся 4
Глава 2. Колодец и имя, которого никто не должен знать 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Август Чен
Путь в никуда

Глава 1. Не оглядывайся

Автобус высадил Марка у покосившейся остановки и уехал, не дожидаясь, пока он выйдет на дорогу. Водитель даже не обернулся — просто сложил руки и повёз пустую машину обратно, к посёлку Покровское, к жизни, к электричеству и людям. Захлопнулась дверь. Стало очень тихо.

Марк постоял, привыкая к тишине. Тихо — это неточное слово. Тишина бывает разная. В городе она гудит, дышит, шуршит за окнами. Здесь она стояла, как вода в бочке: со всех сторон, ровная, без единого звука. Он прислушался и не услышал ни птиц, ни собаки, ни трактора за холмом. Только трава шевелилась у дороги — сама, без ветра.

— Ладно, — сказал он вслух, просто чтобы услышать хоть что-нибудь живое. Собственный голос показался чужим.

Он шёл по дороге, ведущей вниз, к посёлку, километра два. Посёлок назывался Вязовая Гать, и мама, узнав, что он согласился помочь тёте Валеной с домом на лето, удивилась: «А он ещё существует?» Теперь Марк понимал, почему она так спросила. Дома стояли по обеим сторонам улицы — серые, безлюдные, с заколоченными окнами. Заборы покоси-

лись во все стороны сразу, будто ветер раз за разом пытался их унести, а они держались назло. Трава росла по колено, и только на одной улице её кто-то недавно косил — сочно, зелёно, чёрной полосой ложились срезы. Одна-единственная ухоженная изба, крайняя, с новым шифером на крыше, напротив которой висел скворечник. В скворечнике сидела птица. Марк прошёл мимо — и птица не улетела. Он обернулся. Она сидела так же, глядя на него.

— Что за посёлок-то такой, — пробормотал он.

Воздух пах прелой листвой и чем-то ещё, слабым, далёким. Как будто где-то в земле что-то гнило. Марк шёл и считал дома — так считают шаги, когда становится жутко. Двенадцать. Пятнадцать. Два окна в одном доме смотрели на него пустыми рамами, в третьем внутри сидел человек — Марк даже присвистнул: живой! — но человек не шевельнулся, и Марк решил, что это манекен. Хотя зачем манекен у окна в брошенном доме — вопрос оставался открытым, и Марк поспешил его оставить.

Тётин дом стоял в конце улицы, последним, спиной к лесу. Бревенчатый, тёмный, но с окнами, в которых отражалось небо, — уже по этому отражению было видно: дом живой. И на двери — записка. Кривыми, прыгающими буквами, будто рука, что её писала, дрожала или спешила:

«Не оглядывайся, когда войдёшь».

Марк перечитал. Потом ещё раз. Потом посмотрел по сторонам: пустая улица, серые дома, трава. Он хмыкнул — а что

ещё делать? — толкнул дверь. Дверь отошла со вздохом, в сенях пахло сухой полынью и молоком.

— Тётя Валя? — окликнул он.

— Иди сюда, милый, я на кухне, — отозвался ровный, знакомый по телефону голос.

И вот тут Марку стало не по себе. Потому что он вспомнил записку и — сам не заметив как — оглянулся.

В проёме двери за его спиной стояла старуха.

Она не появилась — она просто была, как будто всегда там стояла. Маленькая, сухая, в тёмном платке, из-под которого виднелось старое, похожее на сморщенное яблоко лицо. Глаза у неё были светлые — не серые и не голубые, а именно светлые, до белизны, как у слепой. Она смотрела на него, и Марк смотрел на неё, и никто из них не двигался.

— Ты кто?.. — начал Марк.

— Не отвечай ей, — сказал сзади тётин голос, и тётя Валя взяла его за плечо — твёрдо, как берут за плечо не для того, чтобы успокоить, а чтобы оттащить. — Иди на кухню, Марк. Иди.

Марк пошёл. На кухне пахло пирогами и дымом, горела лампа, хотя было ещё не темно. Тётя Валя — крепкая женщина лет шестидесяти, в переднике, с седой косой — поставила перед ним кружку молока и села напротив. Смотрела на него серьёзно.

— Когда ты вошёл, — сказала она медленно, как учат стих, — что я тебе просила?

— Не оглядываться, — сказал Марк. — Но я же не знал, что она там стоит. Я просто повернулся…

— Не оглядывайся, когда войдёшь, — повторила тётя Валя и подалась вперёд. — Понимаешь? Не тогда, когда вошёл. Никогда. В этом доме. В этом посёлке. Никогда не оглядывайся на неё, если она тебе почудилась. Она не приходит. Она стоит. И если ты оглянешься второй раз — она уже не будет стоять.

Марк хотел засмеяться. Он смотрел на тётю Валю — простую, крепкую, с мукой на пальцах — и не смеялся. Молоко в кружке было холодное и очень вкусное, но пить он не мог: горло сжалось.

— Тётя Валя, — сказал он наконец, — это чья-то шутка, да? Мама вас с папой подговорили?

— Умойся и ляг, — сказала тётя Валя. — На чердаке спишь. Окно там одно, и оно на восток — утро увидишь первым. Это хорошая примета, если первое, что ты увидишь за день, — утро.

— А если я увидел сегодня…

— Ты ещё не спал, — отрезала тётя Валя. — Значит, твой день ещё не начинался. Постарайся, чтобы началом его было утро. А не то, что стоит за дверью.

На чердак вела узкая лесенка. Марк поднялся, лёг на продавленную перину под старым, застиранным до белизны одеялом и долго смотрел в потолочную балку. Дом скрипел — как скрипят все старые дома, деревянно и мягко, и в этих

скрипах было что-то почти ласковое. Марк постепенно успокаивался. Записка. Тётя с её фокусами. Старуха, которая просто стояла в сенях — старая, кривая, наверное, глухая тётка, каких в любом посёлке одна-две найдётся. Мамины подружки и проделка для приезжего городіуа. Ну конечно. Всё логично. Он усмехнулся в темноту, повернулся на бок — и уже засыпая, сквозь сон, услышал, как внизу, на кухне, тётя Валя тихо, беззвучно, но очень отчётливо шепчет над чем-то. Слова не разобрать. Тон понятен. Так шепчут не молитву и не заговор для себя.

Так шепчут, когда просят кого-то, кого боятся.

Марк уснул. А за окном, на восток, ещё долго стояла тёмная сторона ночи — и в этой тёмной стороне, у леса, на меже, горел маленький огонёк. Стоял и не мигал.

Глава 2. Колодец и имя, которого никто не должен знать

Утро в Вязовой Гати начиналось не с петухов — их тут, похоже, не держали. Оно начиналось с тумана, который стекал с леса и ложился на крыши, как мокрая простыня. Марк проснулся от холода: одеяло сползло, а воздух был такой плотный, что дышать приходилось глубоко, будто через вату. Он сел на кровати, потрогал ладонью балку над головой — она была шершавой и тёплой, будто дом за ночь успел его запомнить.

Снизу доносился стук: тётя Валя гремела чем-то на кухне. Марк спустился по узкой лесенке, стараясь не скрипеть ступенями. В сенях пахло хлебом и старым деревом. Тётя Валя стояла у стола, раскатывала тесто, и вид у неё был самый обычный — никакой вчерашней тревоги.

— Доброе утро, — осторожно сказал Марк.

— Доброе, — кивнула она, не поднимая глаз. — Воды принеси. Колодец за домом, видишь?

Марк кивнул, хотя колодца не видел. Он вышел во двор.

Двор был маленький, огороженный покосившимся штакетником. За ним тянулась полоса высокой травы, а дальше — лес, тёмный и плотный, будто не пропускал свет. Колодец стоял в углу, под навесом из почерневших досок. Сруб был

старый, кольца дерева на нём шли кругами, как годы. Рядом — ведро на цепи, тяжёлое, с зелёной патиной на металле.

Марк взялся за ручку, потянул. Цепь заскрипела, и звук этот был не просто скрипом — он будто разбудил что-то в тишине. Ведро глухо ударилось о воду где-то внизу, и Марк замер, прислушиваясь. Вода там, внизу, была неспокойная: она чуть плеснула, будто кто-то тронул её пальцем.

Он начал тянуть цепь обратно. Ведро шло тяжело, вода плескалась внутри, и каждый всплеск отдавался в груди. Наконец край показался над срубом. Марк наклонился, чтобы схватить его, и в этот момент услышал голос:

— Не трогай.

Голос был мальчишеский, резкий, как удар палкой по забору. Марк резко выпрямился. У калитки, там, где трава была скошена, стоял мальчишка лет двенадцати. Худой, в старой куртке, слишком большой для него, и с лицом, будто он всё время щурился от солнца, даже если солнца не было.

— Чего? — спросил Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.